

Валентин ПИКУЛЬ

ПСЫ ГОСПОДНИ

ВЕЛИКАЯ СУДЬБА РОССИИ

Валентин Пикуль

Жирная, грязная и продажная

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Жирная, грязная и продажная / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,

Содержание

От автора	11
Часть первая	12
Глава первая	12
1. О бочках – с посвящением критикам	12
2. Сентиментальное путешествие	14
3. Керосин наших бабушек	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Валентин Саввич Пикуль

Жирная, черная, грязная, страшная, вонючая и продажная... красавица

Такое многоэпитетное выражение отражает почти все варианты поиска автором названия своего произведения, «героиней» которого он выбрал нефть.

К давно задуманному роману-информации, как видно из приведенной фотокопии титульного листа рукописи, Валентин Саввич Пикуль непосредственно приступил 29 мая 1988 года.

ЖИРНАЯ, ЧЕРНАЯ, ГРЯЗНАЯ... – таково первоначальное название. Затем Пикуль вычеркивает ЧЕРНАЯ и добавляет – СТРАШНАЯ... Приписку – КРАСАВИЦА, после небольшого раздумья, тоже убирает. В записке на клочке бумаги, где вместо СТРАШНАЯ идет И ПРОДАЖНАЯ, Валентин Саввич помечает: «Таково должно быть название с обязательным словом „продажная“».

Кстати, содержание и название именно этого и только этого романа Валентин Саввич держал в строгой тайне – никогда и нигде, ни в каком интервью не упоминал о нем, не делился планами его написания и очень просил меня нигде об этом не проговориться.

И это понятно.

Образные и очень емкие прилагательные, подобранные Пикулем к извлеченному из глубоких земных недр веществу, обнажали смысловую направленность произведения.

Все, что гениально – просто... если задуматься.

Мы с раннего детства уяснили, какие блага дала людям нефть и продукты ее переработки – от свечи до синтетических материалов, от асфальта до космических кораблей. Потому что позитивные элементы роли нефти в развитии цивилизации лежат на поверхности. Какафония звуков бравурных гимнов нефти практически полностью заглушала стоны людей и народов с другой, не такой уж видимой стороны медали. Услышать их может только очень чуткий человек.

Из жестких, резких, с интонацией отвращения и осуждения определений заголовка четко просматривается необычный взгляд автора на рассматриваемую проблему.

– Реки человеческой крови протекали в одном русле с реками нефти, мазута, соляра и бензина, – гласит одна из черновых заметок, написанная рукой Пикуля.

Среди бумаг рукописи я нашла листок, который не пронумерован, но по смыслу и содержанию является вариантом авторского вступления к книге.

Вот он.

«Думаю, – а стоит ли мне бурить скважины в нашем прошлом, если сейчас нефтяная проблема зашла в тупик, а газовые извержения нефтяных продуктов засорили города и загадили легкие людей, когда жирная, черная и грязная, эта мерзость, подобная реликтовым экскрементам доисторических времен, дает не безобидный керосин наших бабушек, а грозит отрыгнуть отравляющие вещества, перед которыми иприт кажется безвредным кремом для ухода за кожей».

Невольно вспоминаются годы войны, когда мы конвоировали караваны союзников с поставками по ленд-лизу, помню, что в ряду сухогрузов шли и танкеры с высокооктановым бензином; память сохранила облики людей, спасенных после гибели кораблей. Это были уже не люди, а какие-то жуткие комки отвратительной нефтяной грязи со слипшимися глазами, которые сами они уже не могли открыть: желудки спасенных требовали немедленного промывания, иначе грозила смерть, ибо они наглотались мазута, облепившего их снаружи, а внутри уже разрушавшего их организмы.

Я, конечно, не настолько наивен, чтобы декларировать немедленное и абсолютное запрещение нефти, как дурмана нашей чересчур «прогрессивной» жизни, но я что-то не вижу на прилавках магазинов и тех товаров, которые, рожденные из нефти, могут стать полезными и нужными. А все-таки, заканчивая свое не лирическое отступление, скажу: писать о нефти стоит – дабы читатель знал, что она мало принесла людям радости, зато сколько из-за нее было страданий, сколько возникло трагедий...

Нефть сама по себе, пока лежит в недрах земли, безобидна. Но стоит ей вырваться наружу, как она становится агрессивно-опасна, способная изменить даже судьбы государств».

Началу непосредственной работы над романом предшествовала длительная и необычайно тщательная подготовительная научно-исследовательская работа.

Длительная – это само собой разумеющееся, поскольку Пикуль собирался «облить продуктами переработки нефти» события, охватывающие период с 1870 года по настоящее время. По крайней мере «почасовик» (к нему мы обратимся ниже) составлен до 1961 года.

Сами понимаете, насколько огромен список стран, чьи нефтяные интересы сплелись в один клубок, изрядно запутанный двумя мировыми войнами.

Замысел романа был поистине грандиозен.

Сам Валентин Саввич говорил мне, приступая к написанию:

– Это будет необычный роман. Даже отдаленно похожего на него я ничего не писал. И он «выстрелит».

Пикуля не смущало многообразие действующих лиц и множество регионов театра нефтяных действий. Такого рода информацию он впитывал, как губка.

Особой тщательности требовала проработка новых для автора вопросов, в основном технического характера: разведка местонахождений, технология бурения и переработки нефти, конструктивные особенности различных двигателей внутреннего сгорания и так далее.

Политика, дипломатия, шпионаж и военные вопросы – тоже вещи для Валентина Саввича вполне знакомые. Но для нового романа ему требовались более глубокие познания в химии, экономике, торговле, автомобилестроении и экологии.

В длинном списке необходимых источников есть книги по всем этим вопросам. И Валентин Пикуль «перелопатил» почти всю эту гору литературы: книги испещрены его пометками, подчеркнутыми абзацами, среди страниц лежат закладки – вырезки из старинных газет и редких журналов.

Да и писать, например, о Персии, не проштудировав Коран, персидские пословицы и поговорки, не изучив обычаи и характеры персов, Валентин Саввич не мог. Все сведения собирались, отпечатывались и аккуратно складывались, готовые к использованию.

Вот для примера два листочка:

У персов бытовало такое изречение: «Сомнение есть начало знания: кто не сомневается, тот ничего не изучает; кто ничего не изучает, тот не способен ничего открыть нового; а кто ничего нового не открывает, тот всю жизнь осужден быть глупцом и глупцом он умрет».

Персы никогда не дерутся – даже на базарах, зачем им драться, если обычная словесная перепалка таит столько возможностей проявить остроту своего языка в ругани? Их остроумие бесподобно (русские в таких случаях говорят: «ради красного словца не пожалеет родного отца»). Путешественники, начиная с Шардена и Гобино, называли персов «парижанами Азии Востока».

Персидский базар зачастую не для того, чтобы торговать, а чтобы провести время в приятных разговорах: выискивая случай для общего смеха над неудачником. Хохот бывает такой, что древние базары из кирпича-

сырца не выдерживают нагрузку звуковых герц и рушатся, погребая под собой хохочущих людей, жаждущих остроумия, веселья.

Сахар! Пьют всегда и не чай с сахаром, а сахар с чаем – по сути дела, пьют сахарный сироп, лишь заваренный на чае. Налоги шаха! Перс сначала думает, что выгоднее – платить или бежать? Бежать, кажется, удобнее. Все имущество его – два-три ковра да еще сундук. Деньги прячутся в поясе, жены сидят на ослах, лошади и волы тащут ковры и сундук. После этого никто не знает, куда делся налогоплательщик...

Дервиши более напоминали разбойников, но отличались от них тем, что на серебряных цепочках несли чаши из кокосового ореха для сбора подаяния. При виде путника они издавали ужасный вопль, призывая Аллаха в свидетели своей нищеты, а если чаша не отяжелела от милостыни, тогда дервиши осыпали подателя самой грязной бранью.

Если слово «мирза» поставлено на втором месте, например, «Аббас-мирза», то это означает положение принца, если же оно поставлено перед именем (например, «Мирза-Эгбер»), то оно означает принадлежность человека к чиновному сословию.

Фераш-баши – повелитель слуг. Сарбаз – солдат. Любимая приправа персидских блюд – зеленый лук. Диван-ханэ – приемная для аудиенций.

Ханум – главная (старшая) жена в гареме. Из множества жен в гареме все персы и даже шах могут по праву иметь только пятерых законных, первая из них и есть ханум, муж может со временем разлюбить ее, но она все равно сохранит к себе уважение других жен.

В мраморном бассейне бил маленький фонтан, а струи воды падали на висячие колокольчики, издавая приятную музыку.

Пешкеш – подарок.

Здесь мне хотелось бы подробнее остановиться на «почасовике», чтобы читатель прикоснулся к «кухне» создания произведения.

Вот она, самая сердцевина рождающейся книги – стопка исписанных листов бумаги с приколотой старинной картой Персии, вырванной, как свидетельствует надпись на ней, из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, и приложенной к ней обширной библиографией.

Это спрессованный до нескольких десятков страниц план романа, отражающий все важнейшие события, связанные с темой произведения за выбранный автором почти столетний отрезок времени.

Привожу фотокопии первой, последней и взятой наугад из середины «почасовика» страниц.

Я понимаю, что не все на них можно прочесть, потому что качественные фотокопии с этого черновика сделать очень сложно. Пометки автора сделаны и карандашом, и фломастерами разных цветов, и шариковой ручкой, и пером. Кроме того, на листах просвечиваются совершенно посторонние тексты (Пикуль почти всегда писал свои романы на оборотной стороне уже исписанной бумаги – говорил: «Она уже энергетически заряжена на письмо»).

Но, рассматривая их, можно хоть отдаленно представить себе процесс сбора материала, почувствовать размах замысла автора.

Сколько же там имен, которые должны были найти свое подобающее место в романе. Нобель и Дизель, Рокфеллер и Ротшильд, Витте и Скальковский, Детердинг и Гульбекян. Здесь Черчилль и Эйзенхауэр, Сталин и Гитлер, Моссадык и Хусейн, Реза Пехлеви и Сорейя. Среди них еще Фишер, Стюарт, Рейтер, Васр-Эддин, Янжул, Арси, Бош... – я устала перечислять – голова кругом.

Но ведь Валентин Саввич знал их не только по фамилиям. О каждом персонаже он мог рассказывать часами. Кстати, о Нобеле и Витте им уже были написаны миниатюры. А при упоминании в «почасовике» об изобретении синтетического бензина (год) сбоку стоит пометка – «Бухгольц» – и здесь же лежит написанное от руки небольшое повествование. Оно, на мой взгляд, весьма любопытно, поэтому привожу расшифровку не всем понятного пикулевского почерка:

«В начале главы – ПОЯВЛЕНИЕ».

Когда я переехал жить в Ригу (это было давно), я познакомился с бароном Эгбергом Леоновичем Бухгольцем, сыном предводителя дворянства Баусского уезда, предок которого был послан еще Петром I на Алтай искать золото. Тетка моего знакомого была женою известного полярного исследователя барона Эдуарда Толли. Сам же Эгберг Леонович работал врачом-рентгенологом в городе Бауска, и когда он привел меня в местную кирку, то я каждый шаг делал по надгробным плитам его предков...

Генеалогия, как видите, весьма почтенная!

Рассорились же мы после одного случая, когда я рискнул показать фотографию спившегося бродяги-грузчика, одного из предков Бухгольца, выведенного в пьесе М. Горького «На дне» под именем «барона». Но дело не в этом...

Э.Л. Бухгольц, давно успокоившийся на Баусском кладбище, до революции окончил Юрьевский университет, служил в армии врачом, а в 1914 году был в Тегеране, где Антанту представляли русские и англичане.

Разговаривать с Бухгольцем мне было трудно, ибо он пересыпал свою речь вставками на немецком, на английском, а однажды долго цитировал что-то по латыни, и, увидев, что я ни бум-бум, разругал меня.

– Неужели вы даже такой ерунды не знаете?

От него же я впервые услышал такие имена, как Д'Арси, Детердинг, Гульбекян, Реза Пехлеви и, наконец, немецкий химик Бош, сделавший то...

Он много рассказывал о своих тегеранских впечатлениях, но многое забылось, а то, что уцелело в памяти, никак не годится для печати.

Однако запомнилось:

– О Боше я вам расскажу как-нибудь при случае... Все это ерунда! Знаете ли вы, что нефть принесет еще немало страданий, а ездить можно и на простой воде. Это Бош доказал.

– Куда же делся этот гений?

– Убили, – отвечал Бухгольц. – Кому из миллионеров-нефтедобытчиков выгодно, чтобы люди заводили моторы на воде?

В конце. Мы рассорились после того, как я имел неосторожность сказать по поводу горьковского прототипа:

– У нас в роду таких гопников не было!

Обиделся и ушел. А вскоре умер. Так и не узнал я тогда, что гениального сделал Бош, и узнал много спустя, когда запах бензина стал забивать запах керосина.

Любопытна запись прежде всего тем, что описываемые Пикулем встречи и разговоры относятся к времени, которое он определяет так: «Когда я переехал жить в Ригу (а это было давно)...»

Действительно это было в 1963 году. Как видим, уже тогда в голове Валентина Саввича отложились первые сведения, соприкасающиеся с темой, о которой он решил заговорить только в 1988 году. Вот сколько лет шло накопление и творческая переработка материала.

Да, собственно, оно и не было еще закончено. Это видно и по «почасовику» 1909–1913 гг. (см. страницу почасовика). Они были уже «переварены», осознаны и сюжетно скомпонованы. А последняя страница еще ждала своего часа доработки. Валентин Саввич печатал почасовик с интервалами, позволяющими вносить необходимые добавления и дополнения.

Пикуль начал роман энергично. Писал легко, раскованно, как бы беседуя с читателем. Начальные страницы произведения больше напоминают стиль его миниатюр, нежели стиль классического исторического романа. Довольно быстро написав то, что представлено в данной публикации, Валентин Саввич приостановился, как бы собираясь с силами для нового броска, чтобы отшлифовать готовый материал по ответственному и сложному периоду – преддверию и ходу Первой мировой войны.

Он работал очень много. Который раз вновь просматривал книги, вырезки, черновики.

Я уже ждала, что вот-вот он сядет за свой рабочий стол, чтобы выплеснуть на бумагу еще несколько глав. Но результат его раздумий был, как это часто случалось, почти парадоксален. «Прокрутив» в своей голове мировую войну, Валентин Саввич написал всего одну страничку. Не для романа, а, скорее всего, – для себя. И после этого сел за... «Барбароссу».

Вторая мировая война... Война машин и экономик... И вновь в стратегию войны нахально вмешивается жирная, черная, грязная.

Я ни о чем не спрашивала Валентина Саввича, боясь отвлечь, сбить с мысли, которая итак металась, как птица в клетке. Собственно говоря, спрашивать ничего было и не надо. Текст, написанный Пикулем, по крайней мере, мне, говорил о многом, если не обо всем.

Познакомьтесь с ним сами:

Война 1914–1917... это была великая война великого народа с великой опасностью, и русский солдат выиграл эту войну, а не проиграл. Судите сами: ни единой пяди Русской земли мы врагу не уступили, Кайзер сумел ценою неслыханных жертв отодвинуть наш фронт только в Царстве Польском, только в Курляндии – тогда как на юге армии Брусилова захватили обширные земли Австро-Венгерской монархии... Так стоит ли повторять всякую ерунду, будто царизм потерпел позорное поражение в Первой мировой войне? «Позорное поражение» потерпел советский строй в 1941 году, когда Сталин и его прихлебатели – ценою жизни миллионов – не могли отстоять от Гитлера колоссальные западные земли и допустили немцев до Москвы и даже до Волги. Сами же немцы, участники Первой мировой войны, говорили, что русский солдат в войне 1914–1917 годов был куда как более стойким!!!

– Это еще надо выяснить – что такое «свободная мысль»? Сейчас время полной свободы, а потому позвольте мне самому решать, какая мысль свободная, а какая нет и какую мысль я разрешаю высказывать, а какую – следует запретить. Мы все-таки живем в мире демократии, а посему требую всеобщего послушания, иначе свободы вам не видать!

«На подступах к Сталинграду» и закончил свою жизнь Валентин Саввич Пикуль, так и не успев вернуться к своему самому фундаментальному, по задумке, произведению. Правда, и от «Барбароссы» он отошел на короткое время, чтобы позволить себе «отдохнуть» от войны и на этом «привале» написать, как бы между прочим (а точнее – в подарок мне на женский день), бульварный роман «Ступай и не греши».

В «Барбароссе» Пикуль, как всегда и везде, делился своим мнением, своими взглядами на описываемые проблемы, никому их не навязывая. К сожалению, в отзывах читателей нет-

нет да попадаются еще иногда грубые, злые письма. Достается в них и мне за посмертные публикации Пикуля. Но, если у человека было что сказать людям, разве в моей компетенции лишать его этого права?

Валентин Саввич уважал читателей, имеющих свое, отличное от авторского, видение той или иной проблемы. Но считал ничтожествами чванливых оппонентов, самостоятельно и самолично присваивавших себе роль верховного судьи и беспелляционно выносящих вердикт – я умный, а Пикуль ничего не понимает.

Роман о нефти остался незаконченным. А если честно – он был только начат. Если судить по «почасовику», Валентин Саввич написал, быть может, какую-нибудь десятую часть задуманного.

Каким этапом в жизни Пикуля было бы это произведение?

Еще одной ступенькой на Олимпе славы или очередным предметом травли и осуждения?

Скорее всего, и тем и тем: в России всегда по поводу чего-то значительного – два диаметральных мнения!

...Но это из области мечтаний, поскольку полностью романа уже никто никогда не прочтет.

Даже если бы Валентин Саввич дожил до сегодняшних дней, думаю, он все равно бы его не закончил, потому что столкнулся бы с реальными событиями (Ирак, Кувейт, экология), которые он сам давно предрекал и которые потребовали бы своего дальнейшего развития и отражения.

Такую книгу, как мне кажется, дописать до конца практически невозможно, ибо последняя точка в повествовании должна совпадать, по идее, с концом... цивилизации.

Антонина Пикуль

Удивленья достойны поступки творца.

Переполнены горечью наши сердца.

Мы уходим из этого мира, не зная

Ни начала, ни смысла его, ни конца.

Омар Хайям

От автора

Я предлагаю читателю роман-очерк. Надеюсь, возражений не последует, ибо ведь никто еще не удивлялся тому, что Гоголь назвал свои «Мертвые души» поэмой...

Помню, прочитав «Каир» Джеймса Олдриджа, я был немало удивлен: биография города предстала передо мною как жизнеописание человека – от зачатия его до современной зрелости.

Тогда же я задумался: если героем книги может быть город, оживленный людьми, то почему бы героиней романа не сделаться веществу, столь необходимому всем нам?

В этой книге я не стану претендовать на занимательность, присущую беллетристике. Я желаю сложить из подлинных фактов именно очерк об истории вещества, и пусть именно вещество станет нашей героиней.

Вот же она, полюбуйтесь: жирная, грязная, страшная...

С давних пор она играет почти заглавную роль во всеобщей мировой трагедии; сколько вокруг нее пламенных восторгов, как одни боготворят ее и как другие ее проклинают!

Иногда кажется, что она, эта героиня, увлекает нас прямо в рай. Но мы, идущие в рай, должны осмотреться по сторонам, чтобы увидеть страшную дорогу – прямо в ад.

Не будем этому удивляться: мир так примитивно устроен, что человеческий рай всегда располагался неподалеку от ада.

А на кострах инквизиции сгорали не только безбожники, но и те люди, которые отказывались верить во всемогущество черта.

Часть первая

Пахнувшая керосином

Всегда и во все времена будут являться шарлатаны за получением своей доли.

Томас Карлейль

Глава первая

1. О бочках – с посвящением критикам

Грешным делом, я всегда думал, что бочка – это чисто русское изобретение. В этом я был убежден смолоду, когда еще никто не боролся со мною за трезвость, и подле пивной бочки собирались лучшие друзья, дабы трезво обсудить сложное международное положение. Моя уверенность в «приоритете русской науки и техники» с годами все больше крепла, ибо из бочек извлекались соленые огурцы и малосольная селедка – это, смею вас заверить, всегда считалось отличной закуской.

Так бы и жил я в счастливой уверенности того, что Россия вправе гордиться перед всем миром своей бочкотарой, если бы... Если бы не узнал, что бочка известна человечеству задолго до Рождества Христова. Мою национальную гордость безжалостно добил историк древности Плиний, указавший, что бочка появилась однажды в Италии, куда, наверное, попала от греков-виноделов. Наконец, при раскопках легендарной Трои археологи нашли бочку, уже скрепленную обручами. Варвары вывезли бочку на север Европы, где она полюбилась всем народам, а в эпоху средневековья Германия побила мировые рекорды по выделке бочек, изобретая бочонки-шутихи и бочки-монстры чудовищных размеров, в которых власть имущие и топили закоренелых пьяниц...

Я не сразу пришел в себя от такой информации, но гордость патриота была утешена сознанием, что мои гениальные предки освоили производство бочек если не до Рождества Христова, то во всяком случае еще до Ивана Грозного. По тогдашней системе мер бочка составляла четверть или треть «воза», а вместимость бочки определялась «ведрами». В «Арифметике» Магницкого бочка показана равной сорока ведрам, но по ходу истории количество ведер менялось – в зависимости от настроения мастеров бондарного дела.

Бочарным производством на Руси славилась Казанская губерния, особенно Козьмодемьянский уезд, где почти все деревни жили тем, что делали бочки. В те времена русские знали только одну рыбу – волжскую, и сто лет назад в Астрахань сходились бондари Костромы и Рязани, сколачивая под засол рыбы бочки на сумму более миллиона рублей. При этом за выделку бочки мастер имел два рубля, а хороший бондарь мог сколотить за день даже три бочки, – вот и прикиньте, сколь прибылен был этот народный промысел. Не лишне сказать, что для бочек годилась не всякая древесина, а лишь отборная, без сучка и задоринки. Под разлив вина и пива шел дуб, под смолу и деготь – сосна, осина годилась под насыпку сахара, ольха – для вологодского масла, а бочонки из липы употреблялись для хранения меда.

Дочитав до этого места, критики возрадуются, что поймали меня на «искажении исторической правды», ибо я забыл упомянуть керосин... Нет, я не забыл о керосине! Но до начала семидесятых годов прошлого столетия Россия бочек под керосин никогда не производила. Страна уже имела свой керосин, но бочки для керосина были чужими – американские с мар-

кировкой по-английски: «Стандард ойл компани». Джон Рокфеллер начиная с 1863 года буквально затопил святую Русь своим керосином, используя под разлив бочки из добротного американского дуба. Каждая его бочка вмещала восемь пудов и была очень удобна при транспортировке, ибо ее легко перекачивал один человек. Естественно, что, поставляя керосин в Россию, Рокфеллер как настоящий джентльмен не требовал от русских, чтобы они вернули ему бочки обратно за океан, – это было бы и глупо и разорительно.

Так продолжалось до октября 1876 года, когда на рынки Санкт-Петербурга поступил бакинский керосин, но привычная маркировка «Стандард ойл» была забита на бочках свежей надписью: «Роберт Нобель». Это и понятно: пустых бочек от Рокфеллера скопилось очень много, и они, хорошо проклеенные, были заполнены отечественным керосином. Производство русского керосина увеличивалось столь быстро, что вскоре Нобелям потребовались целые заводы по выделке бочек. Конечно, сразу возникла острая нужда в дубовом лесе – где его брать? Российский дуб был дорог, а срубленный в лесах Ленкорани оказался хрупким в работе, так что одно время для бондарей завозили из Персии чинару. Пробовали мастерить бочки из дешевой осины, но ее смолы не впитывали клей, ель имела много сучков, отчего бочки протекали, липа требовала долгой просушки... Наконец, на бондарном заводе в Перми провели опыты с осиной, которой так богаты леса, и осина оказалась прекрасным материалом для выделки бочек под хранение нефтепродуктов...

Догадываюсь, что именно тут критики скажут, что Валентин Пикуль разводит эмоции на пустом месте, что через дырку в бочке читателю не увидеть социальных перемен в русском обществе, что автор не отобразил накала классовой борьбы, без которой невозможно поступательное движение к коммунизму.

Между тем, осмелюсь заметить, я, автор, имею право на выражение личных эмоций, возникающих даже в вопросах о производстве керосиновых бочек. Как говорят наши восточные соседи, «что увидит молодая женщина в зеркале, то старуха способна разглядеть даже в обычном кирпиче...».

* * *

Обычно критики упрекают меня в том, что история – в моем изложении – выглядит как увлекательный роман. Кажется, им хотелось бы, чтобы Валентин Пикуль писал невыразительно, лишь констатируя те факты, которые доступно изложены в школьных учебниках. Некоторые из критиков, еще не потерявшие человеческого облика, говорят мне архичестно:

– Слушай, когда ты перестанешь писать, чтобы мы больше не мучились? Ведь мы не успеваем разлаять один твой роман, как у тебя готов другой. В наше время, чтобы тебя заметили и оценили, писать надо, как можно меньше. А лучше же всего – вообще не писать, а только высказываться по насущным вопросам о путях развития нашей бесподобной литературы.

Кстати, за сорок лет служения в словесности у меня накопился немалый опыт борьбы с критикой, и оружием в этой борьбе служит... молчание. Еще Александр Блок мудрейше советовал писателям вообще не замечать критиков, способных сегодня говорить одно, а завтра порицать сказанное ими вчера, и Блок предупреждал пишущих никогда не вступать в полемику с критиками, ибо автор прав... он всегда прав!

Даже не читая моих книг, а лишь повторяя один другого, критики в один голос заверяют читателя, что за движением исторических событий я наблюдаю через «замочную скважину». Это так же нелепо и глупо, как и то, что один из критиков назвал меня «советским Дюма». Однако, желая подтвердить мнение своих Зоилов, а этом романе-очерке я, действительно, приглашаю читателя заглянуть в прошлое через скважину...

Только не замочную, а – нефтяную!

Завершая прелюдию к роману, заодно уж припомню, что было сказано в Коране: «Неужели же вы удивляетесь этому рассказу и все еще смеетесь, а не плачете?..»

Перейдем к делу, ибо наша бочка требует заполнения. Хотя бы тем поносом трусости, которым давно страдает наша всемогущая и прогрессивная критика.

2. Сентиментальное путешествие

Весной 1873 года – давненько, читатель! – на пароходе «Великий князь Константин» был объявлен всеобщий аврал.

– Ходи все наверх... быстро! – орали боцманаў.

Аврал был по всем правилам флотской науки – с матюгами, с зуботычинами и с обещанием хорошей выпивки в конце, если пароход станет «сверкать, как новый пятак».

– Да уж и без того сверкаем, – рассуждали матросы. – Не знаем, где как, а на русском флоте завсегда порядок...

Аврал застал команду на «девяти футах» Астраханского рейда, но в городе встревожились и жители. По улицам вдруг промаршировали разряженные, как павлины, лакеи императорского двора, за ними, покуривая сигары, шагали важные господа – повара, а юные поварята, замыкая процессию, били в медные тазы, словно в боевые литавры, возвещая победу.

Астраханцы на всякий случай пугливо крестились:

– Откеле вас, сердешных, целую свору пригнали? Или сам царь-батюшка решил навесить наше сонное царство?

– Хуже того! – отвечали веселые поварята. – Приехали мы из Питера, чтобы кормить шаха персидского с его женками...

Бескозырок на флоте тогда еще не водилось, матросам с «Константина» выдали черные лакированные цилиндры. Боцмана свирепо вращали кулаками, деликатно спрашивая:

– Видал миндал, что не раз едал? Ежели што, так у меня... сам понимаешь. И на баб чужих не разевайся. Коли шах возревнует, так его визирь тебе вмиг шулята отрежет.

– Да на што нам чужие, – огрызались матросы, шуруя швабрами. – Нам и своих-то на берегу хватает, такие стервы – не приведи бог! Последнее отберут...

«Константин» преобразился. Из салона первого класса убрали всю мебель, по бортам расставили широкие тахты, накрыв их драгоценными коврами, – это для шаха. Второй же салон в корме парохода приготовили для размещения эндерума (гарема), а, чтобы обеспечить надзор за женами шаха, для его евнухов разбили на палубе большой шатер... Якоря были выбраны.

– Куда идем-то? – спрашивали матросы.

– В персидский порт Энзели...

Пришли они в Энзели, что в Гилянской провинции, стали ожидать. Матросы спрашивали офицеров – как зовут шаха?

– А зачем тебе это? Или познакомиться хочешь?

– Да на кой ляд! Но знать-то надо.

– Насср-Эддин, – поясняли им. – Как у нас царствует династия Романовых, так в Персии правит династия Каджаров. Впрочем, что тебе толковать? В одно ухо влетит, в другое вылетит...

Наконец, шах появился. Офицеры выстроились на шканцах, подле них расположились придворные лакеи в красных ливреях, а матросы, стоя в шеренгах, заранее прокашлялись, готовясь горланить «ура». Еще издали слышались грохоты барабанов, звоны бубнов и мычание рогов. В богатом паланкине несли Насср-Эддина, за ним – его гарем-эндерум, который охраняли вооруженные солдаты. Поднявшись на палубу, Насср-Эддин ослепил команду блистанием алмазных пуговиц, на его каракулевой шапке сверкал лев с мечом, сплошь бриллиантовый. Шаху было едва за сорок, но фигура его была слишком массивной, грузной. Тяжелым

взором исподлобья, шевеля бровями, он сумрачно обвел ряды встречающих, как бы прицениваясь – кто тут самый важный, и сразу двинулся к лакеям, желая пожать им руки. Но лакеи прятали руки за спину, ответно кланяясь, переводчик пояснил шаху, что это прислуга. Насср-Эддин помрачнел и что-то долго толковал, возмущенно показывая на дымовые трубы.

– В чем дело? Трубы только что покрашены, – вступился командир парохода капитан первого ранга Перцев.

– Его величество недоволен, – объяснил переводчик, – что для его величества не нашли корабля с большим количеством труб... Его величеству неприятно, что у вас только две трубы. Неужели так уж трудно добавить труб для его величества?

«Урра-а-а!...» – закричали матросы по команде офицеров, которые молодецким возгласом решили покончить с недовольством шаха. Насср-Эддин поспешил укрыться в салоне.

Перцев поднялся на мостик, велел «стоять по местам». Но еще долго ворчал, недовольный:

– Труб ему мало? А где я ему труб больше возьму?..

Темнело над рейдом Энзели, когда «Великий князь Константин» вышел в открытое море. Навстречу тащила в персидский порт развалюха баржа, и Перцев через мегафон окликнул ее:

– Эй, земляки! Что везете персам?

– Полно бочек.

– А в бочках-то что?

– Керосин, – донеслось в ответ.

* * *

Две мощные политические силы сталкивались на караванных тропах Афганистана и тогдашней Персии: с юга надвигались англичане, а с севера – русские. Сразу скажем, что Петербург никак не желал порабощения Персии или Афганистана, а если и вмешивался в дела Тегерана или Кабула, так лишь с единой целью – противостоять натиску англичан...

Появлению шаха Насср-Эддина предшествовал эпизод, который никак не возмутил величавого спокойствия русской нации, зато внес немалую долю волнения в обычную жизнь здания у Певческого моста, где располагалось министерство иностранных дел. Во главе внешней политики государства стоял князь Александр Михайлович Горчаков – последний лицеист пушкинского времени и последний канцлер в стране. Еще за год до появления Насср-Эддина в России ему стало известно, что в Тегеране творятся дьявольские плутни британского Уайтхолла.

Озабоченность канцлера заметил и Александр II:

– Говорят, персидский шах, желая повидать Европу, нуждается в деньгах, дабы осуществить это путешествие вместе со своими женами... Вы, наверно, думаете, как лучше использовать визит шаха к нашей выгоде?

– Меня заботит иное, – отвечал Горчаков. – А именно – вмешательство в дела Персии барона Рейтера, который опутал весь мир телеграфной проволокой, а теперь согласен кредитовать шаха, лишь бы тот не мешал ему разорять Персию...

Все было так! Юлиус Рейтер, полунемец и полужид, титулованный в Англии баронством, уже достаточно прославил себя знаменитым «Телеграфным агентством Рейтера», но в 1872 году он стал щедро (чересчур щедро!) раздавать взятки приближенным шаха, и Насср-Эддин тоже получил немалую толику. В обстановке сугубой секретности, но с ведома лондонского Уайтхолла, барон Рейтер вырвал у шаха право на концессию.

– Цель? – отрывисто спросил император.

– Рейтер получил право на создание железной дороги от Каспийского побережья до Персидского залива, иначе говоря – от Решта с его портом в Энзели до цветущей Исфагани и далее.

– Свинство! – кратко выразился император. – Очевидно, России тоже надо потребовать от шаха, чтобы уступил нам право на укладку рельс от Тифлиса до Тавриза и далее – до Тегерана.

– Это еще не все, – печально вздохнул канцлер. – Насср-Эддин как был диким Каджаром, так им и остался, весьма далеким от восприятия благ цивилизации, жаждущий едино лишь удовольствий. Рейтер затмил ему остатки разума своими подачками, и шах – в знак гарантии британской концессии – предоставил Рейтеру управление всеми персидскими таможенными.

– На какой же срок?

– До конца века! Но при этом англичане получают право ковырять земли Персии, где им желательно, дабы изымать из персидских недр все, что в них находится...

Александр II неуверенно хмыкнул:

– А что там есть, кроме бирюзы, которая растет сама по себе из костей женщин, умерших от несчастной любви?

(Верно, что разработки бирюзы персы в основном проводили на древних кладбищах, где и добывали драгоценный камень.)

– Но если бы в недрах Персии, – объяснил канцлер, – находили только воду для полива садов, то и вода тоже становилась бы драгоценной. А барон Рейтер столь обнаглел, что потребовал от шаха оставить за концессией право устанавливать продажную стоимость даже колодезной воды...

Весною ожидался визит в Петербург германского кайзера вместе с Бисмарком, а после «Вилли» следовало ожидать на берегах Невы и явление персидского шаха. Александр II долго не думал, быстро сложив в голове комбинацию:

– Я останусь вежливым хозяином, чтобы принять гостя, как своего лучшего друга. Для него я велю убрать в восточном вкусе комнаты Эрмитажа, а вы... Вам, князь, предстоит побыть в роли строгого ментора, и я позволяю вам выразить шаху свое презрение в любой форме, какой и заслуживает этот Каджар...

Москвы шаху было не миновать; Александр II заранее указал московскому генерал-губернатору задержать Насср-Эддина в первопрестольной, дабы ошеломить его московским изобилием и славным русским гостеприимством. Управлял же в ту пору Москвою князь Владимир Андреевич Долгорукий – весьма живой и бодрый старец, обладавший уникальным для вельможи качеством: он умел НЕ спать даже на самых скучных лекциях в университете, внимая – профессуре – с усердием бедного студента, живущего на государственную стипендию.

Вечно подтянутый (благодаря корсету), даже без признаков старческого облысения (благодаря парикю) князь Долгорукий в обществе был душа-человек, пользуясь вниманием не только купцов, но даже благосклонностью молоденьких балерин. Ярый поклонник Терпсихоры, князь начал искушать Насср-Эддина именно достижениями московского балета. Гарем-эндерум шаха был размещен во дворце петровского парка, и таким образом ни одна из жен не мешала Насср-Эддину лицезреть воздушные прелести русских Матрен и Февроний (по сцене Аделей и Аспазий).

Насср-Эддин чуть не вываливался из ложи на головы сидящих в партере, когда московские сильфиды трепетно и капризно стучали ножкой об ножку, а их короткие юбочки из кружев позволяли шаху догадываться, какие волшебные таинства скрыты под их узенькими трико...

Наконец шах не выдержал и подозвал переводчика.

– Покупаю! – возвестил он и широким жестом восточного деспота алчно обвел простор всей императорской сцены заодно с балеринами, вполне пригодными для обновления гаремного персонала. – Плачу, чем угодно...

– Рано, – остудил его князь Долгорукий, велев подавать в ложу шампанское. – Рано, ваше величество, ибо вы еще не имели счастья видеть наших московских магазинов...

В магазинах гость пожелал иметь все, что видит (а глаза у него были завидующие), и очень скоро шахиншах сильно задолжал московскому «паше». Была чудная весенняя ночь, уже распевали в садах соловьи, когда Долгорукого разбудил полицмейстер:

- Проснитесь! Стыдно сказать... Бунт!
- Где? Фабричные? Или голытьба с Хитрова рынка?
- Нет, в Петровском парке – бунт в гареме...

Выяснилось нечто ужасное. Повидав немало московских чудес, Насср-Эддин вечерами рассказывал об увиденном своим женам, и до того возбудил их любопытство, что они потребовали возить их всюду – в магазины и в театры, в рестораны и даже в зверинец. Возник искрометный «семейный» скандал! Когда один муж лается с одной женой – это еще куда ни шло, тут можно обойтись призывом дворника, не беспокоя полицию. Но вы представляете, читатель, какой шурум-бурум развели в Петровском сразу сорок жен, заседавших на одного-единственного мужа! Именно по этой причине в спальне Долгорукого и появился полицмейстер.

– Бес с ним, – сказал он в конце доклада. – Но страшное в другом. Евнухи сразу выявили зачинщик бунта и шах, дурья башка, велел утром же предать их смертной казни...

Прослышав об этом, князь опрометью кинулся в Петровский парк, где застал жен шаха в рыданиях, а суровые евнухи деловито готовились к удушению пятерых непокорных.

– Ваше величество, – заявил князь, – позволю себе заметить, что вы находитесь в стране, где закона о смертной казни не существует, и я вынужден напомнить, что русские порядки не дозволено нарушать даже вам... нашему высокому гостю! Ведь это скандал не только в моем «пашальке», а на всю Европу, а вы ведь желали, кроме Петербурга, повидать Париж и Лондон... повремените!

Насср-Эддин понял, что здесь не Персия, где он сажал на кол любого приятеля, и согласился с Долгоруким, что эндерум надо спровадить обратно в Тегеран. Сопровождать его жен (заодно с евнухами) был назначен чиновник Зармаир Мессарьянц, знаток восточных наречий. Отправляясь на вокзал, евнухи не скрывали, что у каждого за поясом длинный нож, эти ножи они открыто держали на виду бедного переводчика.

- Ты в каком чине, братец? – спросил его Долгорукий.
- В коллежском, – отвечал Зармаир, лязгнув зубами.
- Ничего, мой милый, не бойся... Доставь это бабье до порта Энзели, вернешься живым – я в статские выведу!

Гарем отъехал. Генерал-губернатор перекрестился.

– Осталось дело за малым, – сказал он. – Выставим шаха в Петербург, и пусть там с ним разбираются другие...

Теперь, читатель, пора напомнить о керосине!

Нефть в потаенных недрах Персии еще дремала втуне...

3. Керосин наших бабушек

От угасающих костров дальних пращуров, минуя масляные светильники, деревенские лучины и восковые свечи, русский человек вдруг перешел в ту эпоху, которую бытописатели называют «керосиновой». Историки привыкли отсчитывать ее от начала шестидесятых годов прошлого века, полагая, что она завершилась триумфом электричества в канун нашего бурного столетия. Но мне думается, что керосиновая лампа освещала нашу жизнь – уютно и благостно – гораздо долее...

Я еще помню дни своего детства, тихую псковскую деревню Замостье и свою добрую бабушку, Василису Минаевну Каренину, которая с наступлением сумерек говорила:

– Повременим, внучек, до потемок. Нонеча керосин-то в красных сапожках бегаёт... Дождемся часу темного, тогда и зажжем лампу, чтобы напрасно керосин не расходовать.

Теперь-то я знаю, что юность моей бабушки была освещена еще не русским, а заокеанским керосином. Но, спроси у нее тогда, кто такой Рокфеллер, бабушка никогда бы не ответила. У нее был свой мир, заключенный в тот ограниченный круг, который высветил для нее фитиль керосиновой лампы. Между тем мне, внуку ее, предстояло выйти из этого заколдованного круга – на широченный простор той мировой политики, которую когда-то делал простой и дешевый керосин.

Керосиновая эпоха начинается, как в детской сказке, с того, что жили-были два... полковника.

Один – самозванный – Эдвин Дрейк, шумливый американец; другой – подлинный полковник! – скромный Ардальон Новосильцев, русский. Оба они закончили плохо. Дрейк, ослепнув, умер на дармовой койке приюта для нищих. Но зато в его честь Америка до сих пор славит оды, а в России нашего полковника чуть в тюрьму не посадили. Остались нам в наследство лишь золотые слова химика Менделеева, писавшего: «Имя первого бурильщика А.Н. Новосильцева, надо думать, никогда не забудется в России». Наивный человек, этот великий Менделеев: мы забыли не только Новосильцева, но забыли и многое другое... Мы обставили свою землю памятниками всяким балбесам и демагогам, а вот не догадались водрузить монумент в честь Новосильцева.

Эдвин Дрейк, не всегда трезвый, бывший кондуктором на железных дорогах, по дешевке купил бесхозный участок земли в Пенсильвании. Шел 1858 год, когда он с приятелем по имени Билли решил пробурить скважину артезианского колодца. Бур ушел в землю не так уж глубоко, когда из недр со свистом вырвалась «нечистая сила» – заработал фонтан нефти, жирной, черной и грязной... Этот момент вошел во все учебники американских школьников, и кондуктор почему-то сразу превратился – под пером историков – в бравого полковника.

Однако мир так подло устроен, что одни добывают нефть из земли, а другие добывают деньги из нефти. Как раз в эти годы некто Джон Девийсон Рокфеллер служил приказчиком мучного лабаза в городишке Кливленде. Засыпанный белой мукой, он решил, что от нефти грязнее не станет. Дрейк – ну, его к чертям! Теперь настало время Рокфеллера, о котором лучше всего выразиться известным афоризмом: «Когда эти господа говорят, то они врут, а когда они молчат, значит они воруют...»

Как бы то ни было, в разговорах или в суровом молчании, но пенсильванская нефть очистила Рокфеллера от муки, и в Америке возникло могучее царство «Стандард ойл компани», а пенсильванский керосин – тогда же! – наполнил лампу моей доброй покойной бабушки...

Ну, а что же мы, русские?

Неужели отстали от американцев?

Ни в коем случае – того быть не может. Сталинская кампания борьбы за «приоритет русской науки и техники» доказала нам, что все выдуманное в мире, начиная от пуговиц до презервативов, изобрели мы, великороссияне...

Баку уже тогда имел недобрую славу «вольного» города, куда стекались бездомные, беспаспортные, безродные, беглые, полицией разыскиваемые и прочие, всегда готовые составить артель по перевозке тяжестей из угла в угол или поднять то, что другими брошено. По всей России ходила тогда народная молва, что в Баку войдешь без порток, а вернешься в родимую деревню на тройке с бубенцами. Соблазн был непомерно велик: один пуд керосина (16 литров) стоил тогда – страшно сказать! – семь копеек.

Подумайте, какой дурак от таких денег откажется?

Вот и гнали керосин – кто хотел и как умел. Самовольно, подальше от начальства, на Апшероне пробуривали нефтяные скважины. В 1869 году одна из таких «дырок» оглушила работяг свистом газа, потом – заодно с нефтью – рвануло из глубины песком, побило тут многих камнями насмерть. И скважину в геройской борьбе – забросали булыжниками.

Вторая же скважина дала столь могучий выброс нефти, что земля вздрогнула и загудела, из города прискакала полиция и сам уездный исправник:

– В протокол вас всех, мать вашу... Кто дозволил?

– Да мы так... Всей компанией. За што в протокол? Мы люди бедные... с утра не жравшие.

– Босяки! – орал исправник. – Ты мне бумагу кажи от начальства, чтобы по всей форме. Эдак-то каждый начнет ковыряться, всю Россию продырявят, а с нас спросят – куда глядели?..

Скоро Джону Рокфеллеру доложили, что на Апшероне некоторые фонтаны выбрасывают в сутки до ШЕСТИСОТ ТЫСЯЧ пудов:

– Тогда как один наш фонтан в Пенсильвании не дает более ПЯТИДЕСЯТИ ТЫСЯЧ пудов, если вести счет не в баррелях.

Рокфеллер отложил в сторону молитвенник:

– Это все, чем вы желали меня запугать?

– Нет, не все. Самое опасное для нас в смысле конкуренции – это мощь нефтяных фонтанов: у нас они достигают высоты лишь в ДЕВЯТНАДЦАТЬ метров, а в Баку русские фонтаны хлещут к небу до ВОСЬМИДЕСЯТИ ЧЕТЫРЕХ метров...

Размышления Рокфеллера длились недолго.

– Возможно, что сравнение не в нашу пользу, – рассудил он. – Но у них ведь еще нет компании...

И был прав! Компании среди русских возникали частенько, зато у них не было компании, подобной его «Стандард ойл». Впрочем, таковая скоро появится... Интересно, что скажет тогда Рокфеллер? Он будет говорить много, однако нам, читатель, следует запомнить только одну его фразу:

– Я всегда преследовал своих врагов и, видит бог, всегда их догонял и перегонял. Они оставались далеко за мной, посрамленные моими успехами. Но я ни разу не оглянулся назад, чтобы видеть, как, истребленные мною, они подымают...

Эта фраза относилась уже к братьям Нобелям!

* * *

Не станем забираться в далекую древность, когда на заре человечества люди уже пытались извлечь пользу из нефти. Ее давали пить больным, как лекарство, пропитывали ею крыши, чтобы не протекали, смазывали колеса повозок, чтобы они не скрипели, нефть загустевала в асфальт, которым заливали улицы, нефтью заливали водоемы, в которых водился малярийный комар, в древнем Египте нефть употребляли для бальзамирования трупов, а нефтяные огни породили даже религию огнепоклонников, существующую и поныне. Через те края, где стоит ныне город Баку, когда-то проходил Александр Македонский и, не поверив в горючие свойства нефти, он обмазал ею одного местного мальчика, который и был сожжен заживо. Об этой же нефти писал и Марко Поло, называя ее «маслом», есть которое не советовал...

Оставим нефть в покое – лучше поговорим о керосине!

Было на Руси царствование кровавой Анны Иоанновны, когда она отправила свое посольство к персидскому Надир-шаху, не менее ее кровавому. При посольстве состоял Иван Яковлевич Лерхе, известный врач, который вывез из Баку первые сведения о тамошнем керосине. Наверное, он дал царице понюхать керосину и не забыл рассказать, что Баку – это «черный город», называемый так местными жителями, которые отапливают жилища сжиганием нефти, а все дома в городе почернели от дыма.

– Там иногда дуют столь сильные ветры, что тучи сажи, поднятые вихрями, закрывают горизонт, а над морем порою плавают облака газов, которые сами по себе вспыхивают, и тогда море охватывает пожаром.

Вряд ли императрице понравился аромат керосина:

– А польза-то? Скажи, дохтур, польза-то какова?

Ответ врача Лерхе сохранился для нашей истории:

– Замечено, что верблюды, проходя мимо Баку, излечиваются от облысения, а люди тамошни потребляют сию заразу от каменной болезни, скоробута и ревматизма. Смею думать, ваше величество, что Шемаханское царство потому и миновала моровая язва, коя испугалась подобной вонищи...

В конце жизни Анна Иоанновна устроила свадьбу шутов в знаменитом «Ледяном доме», в очаге которого ледяные поленья, облитые нефтью, горели, а ледяной слон, в брюхо которого налили нефти, выпускал из хобота, горящую струю. В новом царствовании Елизаветы нефтяной вопрос оказался заброшен в иные края, куда Макар телят не гонял, – на приполярную речку Ухту, где смекалистый мужик Федор Прядунов в 1745 году начал перегонять ухтинскую нефть в керосин. Там, на задворках нашего государства, впервые в мире заработали нефтеперегонные установки. Историки пишут, что «завод» Прядунова давал в год тысячу пудов керосина. Историки заодно уж и подсчитали, что для такой добычи Федор Прядунов ежедневно перегонял 134 килограмма сырой нефти... Сознаюсь, мне бывало страшно смотреть на фотографии тех мест, где работал завод Прядунова... какая глушь, какая дичь, и хочется сказать: здесь еще никогда не ступала нога человека.

Читатель, наверное, спросит: а куда делся Прядунов? Увы, в 1753 году, он умер в Москве под арестом Берг-Коллегии, ибо за ним остался невыплаченный налог... ровно 35 рублей и 23 копейки!

Настали новые времена, и в 1823 году братья Дубинины, крепостные графини Паниной, случайно оказались в Моздоке. Увидели они там нефть и по русскому обычаю почесали затылки:

– А что, братцы, ежели это дерьмо сварить, как брагу... Может, из него, глядишь, да что-либо и вытечет?

Вот уж неразрешимая задача для историков – разгадать, почему сиволапые мужики из Муромца своим умом доперли до того, к чему позже пришли высокообразованные химики Европы, закрепившие свои имена в научных патентах. Кстати, читатель, керосин тогда называли «фотогеном», но Дубинины, не ведая о значении патентов, пошли гнать керосин-фотоген, как гонят мужики самогонку из крепкого суслу. В их кубах отвратительно булькала черная, жирная и грязная пакость, вытекавшая в чаны светлым и прозрачным настоем, который братья нарекли простецким названием – «белая нефть». Из сорока ведер нефти они получили 200 литров керосина, после чего уничтожили бесполезные отходы в количестве 50 литров бензина и 250 литров мазута... На всякий случай, читатель, обнажим головы! Муромская земля дала нам не только Илью Муромца, но и башковитых братьев Дубининых: честь им и слава!

Пресловутый «приоритет русской науки и техники», набивший нам оскомину еще при Сталине, в вопросах истории не годен и даже вреден. Но все-таки ради соблюдения истины замечу: Россия пробурила первую скважину еще в 1848 году в прикаспийском урочище Биби-Эйбат, а brave «полковник» Эдвин Дрейк начал бурение лишь в 1859 году. В это же время запах керосина учуял московский миллионер Василий Александрович Кокорев – человек, о котором пора бы вспоминать и почаще.

Костромской мещанин, самоучкой постигший азбуку и арифметику, он разогнал свой великороссийский бизнес до состояния в семь миллионов и брался за все, за что другие братья боялись. (Да будет известно, что Кокорев собрал и картинную галерею, которая – задолго до Третьякова – стала в Москве открытой для публики.) Вот этот человек, обладавший крепким умом и цепкой хваткой, которые еще никогда не вредили капиталистам, в 1859 году взялся за керосин. Кокорев основал большой завод в селении Сураханы, что лежало в 15 верстах от Баку... Иногда его спрашивали:

– Почему вы избрали для себя именно Сураханы?

– О-о! – отвечал Кокорев. – Вы бы хоть разок видели ночью древний храм огнепоклонников, в котором доживают последние жрецы... умные люди. Они-то и подсказали, что подземные газы, бьющие из трещин земли, пригодятся как дармовое топливо для моего предприятия... Нет, я не прогорю, – убежденно говорил Кокорев, – ибо завод строю по планам великого химика Юстуса Либиха, о котором вы все знаете, что он изобрел искусственное кормление детей и мясные экстракты.

Бочки с кокоревским керосином поплыли на баржах вверх по матушке Волге, соперничая с керосином американским, их разгружали полуголые персы в персидском Энзели. И все-таки Кокорев... прогорел, ибо его талант задушила откупная система, а вокруг Сурахан забили мощные фонтаны нефти, на которые кинулись с черпаками другие промышленники, более хваткие, более удачливые. Заводской химик Энглер, утешая своего хозяина, сказал:

– Ваша ошибка в том, что вечерами вы отпускали рабочих спать, а завод должен работать круглосуточно.

– Так что же делать? – приуныл Кокорев. – Или уж совсем не давать людям выспаться? Ерунда какая-то...

Следующая страница истории – новая трагедия!

Михаил Константинович Сидоров явился как раз в те места, откуда увезли под московский арест Федора Прядунова. В 1868 году на реке Ухте он пробурил скважину на 52 метра. Ухтинская нефть пошла наверх, но... как вывезти ее из этой глухомани? Петербургские чиновники то разрешали бурение, то запрещали. В газетах Сидорова называли то гением, то аферистом. Только для того, чтобы отлаться от критиков, он ухнул 650 000 рублей. Наконец, на большой глубине треснул дорогой заграничный бур, жди, когда из Европы привезут новый... Сидоров умер в бедности, близкой к нищете, сознательно разоряя себя ради будущего, но мог утешаться мыслью, что его пароходы – первые в мире! – ходили на жидком топливе. Перед смертью Сидоров писал: «Будущее поколение не упрекнет нас за то, что мы не заботились о его благосостоянии, напротив, оно будет нам благодарно!» Сейчас в городе нефтяников Ухте поставлен памятный обелиск – как раз на том месте, где когда-то Сидоров пробурил первую скважину... Снова, читатель, хочется обнажить голову.

Но уже подоспело время для появления Нобелей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.